

Ирина Рогимова

МАРИУШ

ХОЗЯИ ИМЕНА 33

НОВЫЕ ИМЕНА • 33

Ирина Родионова

МАРИУШ

Рассказы

Оренбург, 2018

Эта книга издана при поддержке

Министерства культуры
и внешних связей
Оренбургской области
(**министр Е.В. Шевченко**)

Оренбургским региональным
отделением
Союза российских писателей

УДК 8Р2 (092)
ББК 83 (2Рос=Рус) 6-8
Р 60

Ирина Родионова. Мариуш. Рассказы. – Оренбург: Издательский центр МВГ, 2018. – 38 с.

© *Ирина Родионова, рассказы, 2018 г.*
© *Издательский центр МВГ, 2018 г.*

Мариуш

* * *

Доброе утро.

Рассвет был таким же пепельно-серым, как и всё вокруг: как низко нависающий раздробленный потолок, до которого Мариуш могла дотронуться тонкими чумазыми пальцами, как свет, льющийся сквозь тонкую дырочку наверху, в груди каменных обломков, как ее собственные руки – маленькие, сильные, полупрозрачные. Сейчас из разлома выглядывали одни глаза – черные мелкие угольки в обрамлении спутанных ресниц, на которых пудрой застыла бетонная пыль.

Мариуш почти не дышала, и воздух, застаиваясь в ее маленьких легких, напитывался кислой горечью, прожигая изнутри. Девочка не могла даже шевельнуться – они, грязно-коричневые, вытянутые, до такой степени худые, что ребра частоколом выпирали из сухих тел, проходили стаей мимо. Звонко, непозволительно звонко для мертвого мира цокали острые когти. Звери останавливались, принимав-

ясь, и тогда угольки девчоночьих глаз в расщелине тлели с особой настороженностью. С оскаленных желто-рыжих клыков неведомых прежнему миру зверей капала слюна и, шипя, проделывала кривые дырки в издыхающем от времени асфальте.

Стая скрылась прямо за разрушенным домом – три его стены рухнули, погребя под собой значительную часть улицы, и теперь из напитывающихся ржавчиной бетонных обломков торчали то трухлявые ножки комода, то эмалированный край навечно высохшей ванной. Только последняя стена стояла, смешиваясь рваной верхушкой с границей низкого неба в серо-черных разводах. Покосившаяся, рассыпающаяся, она всегда вызывала в маленькой Мариуш суеверный восторг – как будто, лишившись всего на свете, что могло согреть и поддерживать, еще можно было попробовать жить.

Девочка спряталась в свою холодную пещерку и только там выдохнула, потирая маленькими кулачками слезящиеся глаза, в которых словно бы сидели колючие камушки бетона. Студеный ветер, который больно вгрызался в ее крошечное тело до самых костей, принес немного свежести, и Мариуш поняла, что пора.

Ей пора.

Маленькая тень выскользнула из пролома и вскарабкалась прямо по стене, цепляясь за многочисленные щербатые выбоины, – девочка забилась

в квартиру на третьем этаже, точнее в то, что от нее осталось, и спряталась за ворохом вещей на резной зеленоватой вешалке. Старье. Все вокруг было бесконечно старым и трухлявым. Сквозь дыру в комнату заглядывало любопытствующее пустое небо и скользящие до горизонта раздробленные здания, в которых раньше жили люди.

Люди. Мариуш уже плохо помнила, как выглядела она сама. Иногда девочка стояла, склонившись над пахучей лужей, и разглядывала собственные крупные глаза, широкий нос, острые скулы. Тонкую бледную полоску губ. Высокий лоб. Затравленный взгляд. Другие лица ей вспомнить не удавалось. Кроме двух. Самых главных.

Сейчас Мариуш, стоя высоко-высоко над миром, смешала свой запах с запахом людей, которые уходили по утрам на работу, сдерживая с крючка старые пальто с прорванными карманами и пятном грязной воды из-под колес промчавшейся мимо машины, которые зимой доставали тяжелые шубы, а летом жизнерадостно прикалывали плетеные шляпы высушенными бабочками на витые, прежде ярко-золотистые крючки...

Где-то далеко раздался промозглый вой – это они, их стая. Они могут вернуться. Девочка никогда об этом не забывала.

Мариуш тревожно огляделась – маленькая, четырехлетняя, она уже имела цепкие пальцы и острые

зубы, бесстрашно карабкалась по разрушенным зданиям, прищулив миндалевидные иссиня-черные глаза с редкими рубиновыми всполохами лопнувших сосудов. Глаза у нее были папины – он был низеньким и лысоватым человеком, неизменно сморкался, зарываясь большим носом в платок с вышитыми инициалами, до смерти любил дыни и мечтал о сыне. О наследнике. Когда родилась Мариуш, он назвал ее мужским именем – то ли от злости на судьбу, то ли чтобы дочь была сильной и стойкой. Всю жизнь призрак этого мальчишеского имени висел над маленькой девочкой, и она до жути боялась не оправдать отцовских надежд.

Сильной Мариуш и стала, выжив среди опустевшего города, в котором не осталось ни одного человека. Только они. Квэсцио. Падальщики. Ждут, в кого бы вонзиться своими гниющими зубами и разодрать горячую плоть, фонтанами изрыгающую черную кровь. Мариуш было четыре, но она насмотрелась на такие сцены вдоволь, именно поэтому девочка была осторожна и очень проворна.

Она выглянула из-за старого пальто, от которого едва пахло дубовыми опилками и ледяным воздухом, и вгляделась в противоположный берег – дорога перед ней раскололась, казалось, до самого ада, и теперь зубчатый провал слепой чернотой таранился в низкое промерзшее небо. Мариуш цепко держалась за выступающий обломок, чтобы при

малейшем движении извне сорваться и ринуться рыбкой вниз, спрятаться в своем проломе – сюда не пролезут уродливые собачьи морды квэсцио. Она уже проверяла это. Пару дней назад звери бросились за ней, целая стая с остекленевшими от жажды крови глазами, и девочка успела нырнуть в лаз. Хищно щелкнули зубы, уродливая морда в облезлых струпьях, вытянутая и тяжелая, словно топор, рыкнула и скрылась. Они питались плотью. И страхом.

Почерневшие глаза ребенка зацепились за что-то, словно бы рукав поймал надоедливый репей, и она замерла, не в силах произнести ни звука. Там, на другой стороне улицы, где в останках дома свободно гулял прогорклый ветер, где среди кусков бетона обиженно пробивались к свету забытые вещи, которые канули в Лету вслед за своими хозяевами, сидел мальчик. Мариуш снова потеряла глаза, моргая часто-часто: нет, ей не показалось. Слово бы почувствовав ее взгляд, крошечный мальчик зашелся обиженным ревом. Маленький, пухлый, светло-розовый, с налившимися яблочками щек и мягкими черными кудряшками волос, он казался ненастоящим – не могло в ее сером и опасном мире оказаться такого удивительного существа.

Топот, раздавшийся с окраин, казался пулеметной дробью, далекий вой ввинтился в уши железными ржавыми шурупами, и от страха у Мариуш

судорогой свело тонкие бледные губы. Мальчик заплакал еще горше. В его мягких чертах она разглядела собственный крупный нос, чернявые кудри и глаза – такие же карие, но беззащитные и просящие, искренние и детские. Мариуш, затравленным волчонком смотрящая на этот мир, давно не встречала таких по-настоящему распахнутых глаз.

Она успеет. Если сейчас сорваться, перепрыгнуть с осыпающегося пола с дотлевающими остатками мягкого ковра, если зацепиться рукой за выступающий железный прут, на котором ржавчина скопилась хлопьями, если перескочить через провал там, где время вымывает из памяти искореженный остов автомобиля, она успеет схватить мальчика и скрыться с ним в провале. Она его спасет. Прыжок, еще прыжок, вытянутая рука – и вот он, теплый, плачущий, доверчиво жмущийся к девочке.

Человечек. Такой же, как она.

Но она не готова! Ей нужно найти еду, умыть свое чумазое, запорошенное светлой пылью лицо в холодном источнике и спрятаться, пока черная ночь не упадет тяжелым занавесом на землю, похоронив под собой незадачливую девочку, которая умудрилась выжить на этой проклятой земле. Мариуш дернулась, чувствуя, как на глаза напалзают слезы, – она не плакала уже так давно, что почти забыла, каково это. Последний раз она ревела, когда не стало мамы – улыбчивой тихой женщины с

тонкими седыми волосиками, с бесконечно теплыми руками, которая всегда сжимала в объятиях Мариуш крепко-крепко, так, что аж кости трещали.

Девочке было страшно – маленькая, она сама едва справлялась. А тут мальчик. Плачет, привлекает внимание квэсцио. Внутри нее все рвалось, девочка не знала, как поступить. Ей до смерти хотелось согреть руки, заиндедеввшие от всей ее жизни в этом серо-черном царстве с жадными клыкастыми тварями, о его беззащитное тепло. Но он такой маленький, и она сама – такая юная еще, несмышленная, она не справится, это так тяжело...

Мариуш вплавилась в бетон, вжалась в него всем телом, зарываясь лицом в тяжелое пальто, сдерживая дыхание в легких. Словно почувствовав это, мальчик закричал еще громче, словно бы не мог простить ей малодушного предательства. Тонкий, писклявый, робкий голосок.

Цокот когтей – скрюченных, черных, длинных – почти с ладошку Мариуш. Торжествующий рык, почти вопль счастья, детский захлебывающийся плач. Секунда – и мальчишка поперхнулся собственным криком. Затих. Квэсцио с яростным и влажным клеткотом принялись пировать, а Мариуш показалось, что на ее лицо попали прожигające кожу горячие багровые капли. Она стояла далеко, так далеко, что не дотянуться, на самой верхушке мира, отсеченная от неба и жутких тварей одним потрепанным пальто,

в котором кто-то мог встречать жену из роддома, увольняться с работы или пить в гаражах с друзьями, а в ушах у девочки все еще звенел обиженный плач мальчишки с ее собственными глазами и торжествующий, хлюпающий рык чудовищ.

Она дождалась, пока звери уйдут – кровожадная стая с жилистыми худыми телами, а потом, не глядя в ту сторону, где считанные минуты назад плакал розовощекий мальчик, принялась оглядывать пути для вылазки за едой. Девочка старалась гнать от себя мысли, занозой засевшие внутри. Ей до смерти нужны были продукты: ржавеющие сплюснутые жестянки с ярко-желтыми зернышками кукурузы, банки тушенки с плавающими жиринками на поверхности, надорванные пакеты с сахаристыми кукурузными палочками. Хоть что-нибудь. До ближайших руин магазина, где когда-то продавали душистое лавандовое мыло и вишневые пряники, было далеко. И два пути – развилка, на которой она постоянно оказывалась и которую так не любила. Один путь – быстрее, но она в любой момент может попасть на желтоватые бритвы клыков, а этого девочка боялась больше всего на свете. Другой – спокойнее, однако она может не успеть вернуться, может сорваться вниз и остаться лишь пятном на растрескавшемся от времени асфальте...

Но Мариуш ненавидела рисковать – она боялась того, что может вынырнуть из-за угла.

И именно поэтому, скользнув из-за обвисшего выпотрошенным мешком пальто, девочка подпрыгнула и зацепилась рукой за основание хрупкого хрустального торшера, который раньше дарил свет, щедро разбрызгивая его по сторонам.

Она не одолела и этажа – юркая и быстрая, девочка услышала поблизости гортанный вой и окаменела, забыв, что после прыжка ей следует за что-нибудь зацепиться. Покатившись вниз, Мариуш вскрикнула от боли – удар о пол, неожиданно выскочивший обломок бетонной плиты бьет прямо в лоб, в грудь ударяет рассохшаяся дверца шкафа с одеждой и, ломаясь, с треском распаивает свои занозистые объятия. Мариуш рухнула, пробив дверцу, в ворох разноцветной, но совершенно никому не нужной одежды.

Сильная, но такая испуганная. Маленькая девочка. Всегда только маленькая девочка.

Мариуш села в шкафу, жалобно хныкая, содрала с себя прилипший сатиновый шарфик, и он разноцветной змейкой юркнул обратно, к друзьям-вещам. Боль сковала ее хрупкое тельце. Девочка с трудом выбралась из шкафа и поспешила к собственному лазу, уже слыша, как выстукивают ее прощальную песню когти квэсцио по дороге, из которой сухими пучками пробивается упорная бесцветная трава.

У самого лаза она столкнулась с ним лицом к лицу – маленький, щуплый, с налитыми кровью

глазами и мелкими, почти светлыми зубами, он покачивался на тонких ногах и смотрел на нее с не меньшим испугом, чем девочка на него. Мариуш, прижимая к груди рассеченную руку, хватающаяся темными пальцами ног за выступающие обломки бетона, замерла, скорчившись, не в силах отвести взгляда от его впалых боков и мощной челюсти.

Квэсцио, непропорционально маленький и тщедушный, наконец издал какой-то звук – блеющий, горловой, и девочку сдуло ветром. Не чувствуя боли в вывернутой ноге, она проскакала по рукотворным скалам и нырнула прямо в каменный мешок, ощутив в последнюю секунду, как на ее голове сжимаются челюсти, как зубы впиваются в тонкую кожу, как в глубинах рождается крик... Нет. Показалось. Просто Мариуш зацепилась краем уха за металлический прут, о который всегда опасалась пораниться. Села, скрестив ноги и обнимая себя тонкими ручонками, затравленно глянула наверх, где, перегораживая далеко скрытое за тучами солнце, виднелась крупная челюсть маленького хищника. Девочка молчала, дыша через раз, выпивая скопившийся вокруг воздух по капелькам, обматывая порезанную руку куском собственного рукава.

Маленький квэсцио, пару раз сунув крупный влажный нос в расщелину, жалобно заскулил и лег рядом, прижимая к голове изорванные перепончатые уши. Появившаяся стая обошла его кругом,

гогоча на своем языке, пару раз ткнулась носами ему в бока, подбадривая. Малыш невнятно пискнул, а потом, смирившись, поднялся и робко побрел за остальными в дальний конец города.

Там, далеко за горизонтом, за крепкими каменными воротами теплилась жизнь: люди стучали молотами по наковальням, плавил металл и плели лапти. Мобильные телефоны, трещащие что-то неразборчивое телевизоры, пластиковые окна остались для них чем-то вроде маловразумительного сна, и каждый раз, выходя на крыльцо, они с удовольствием вдыхали серый безвкусный воздух, трепали по загривкам квэсцио, которые, не чуя чужого страха, пригибались низко к земле и почтительно опускали морды, пряча острые желтые зубы за куцыми губами. А потом люди шли к станкам, к чахлым стеблям пшеницы, к колодцу, и поднятая из его глубины ароматная прохлада мягко ласкала их щеки.

Четырехлетняя Мариуш, забившаяся в свою пещеру, ничего о них не знала. А если бы и знала, то вряд ли бы пошла к ним. Она была одиночкой – привыкла сама карабкаться наверх, искать хилые крупички оставшейся еды и прятаться от кровожадных зверей. Но сейчас эта сильная девочка, которая однажды распоролла хищнику горло ножом, которая могла неделю питаться упаковкой растолченных до трухи заплесневелых сухарей, которая только что вправила вывихнутую ногу, не сдержав мелких

едких слез, сидела, глядя на серое пятнышко света под потолком, и молчала.

Молчала. В ее черных глазах отражалось серое небо – молчаливое, бесстрастное и холодное. В животе было пусто и гулко, а завтра ей придется повторить все сначала – забраться под пальто, затем – по разрушенным этажам, по прохудившимся крышам. Она жила в этом мире, казалось, целую тысячу лет, и следующая тысяча была уже не слишком страшной.

А потом тонкие пергаментные веки ребенка закрылись, переплетаясь черными ресницами, и девочка затихла, обнимая себя сильными ручонками. Серый свет померк, сдаваясь под напором ночи.

* * *

В коридорах было пусто и темно – чернота заливала гулкие мраморные полы и однотонные казенные стены, выкрашенные равнодушной салатовой краской. Единственным источником света оставалась лампа на сестринском посту – оранжевая лужица света мягко щекотала тонкие девичьи руки, которые неразборчивым почерком заносили что-то в журнал. Скрипела дешевая ручка, рвалась тонкая бумага, чертыхалась девушка. Надоедливо пищал, возвещая о приходе сообщений, ее крошечный телефон.

Поморщившись, Наташа, облаченная в застиранный, но белоснежный колпак, почесала ногтями переносицу, выдвинула лоток с лекарствами, пере-

считала таблетки и вернулась к записям. В затаенное мраком стекло напротив конторки билась муха – возмущенно жужжала, отлетая подальше, и снова ударялась о стекло, не понимая, почему не может покинуть этот коридор, насквозь пропахший мочой и горькими лекарствами. Оторвавшись от путаных и бессмысленных записей, девушка смерила муху почти завистливым взглядом, встала, потягиваясь и сонно моргая, а потом распахнула настежь окно, впуская в коридор звуки и запахи летней ночи: далеко пронесшийся мотоцикл, восторженные крики пьяных свободой подростков, звук бьющегося стекла. Отходящий от полуденной жары асфальт пах остро ипряно, астры под окнами все еще сочлились сладостью. Девушка вдохнула ночь полной грудью, даровала мухе свободу и тихонько прикрыла окно, звякнувшее почти обиженно.

Вернулась напарница Леночка. Худая, с некрасивой родинкой на подбородке, из которой торчали черные жесткие волоски, девушка шла по коридору тихонько, не касаясь пола пятками, чтобы не потревожить хрупкий сон больных, а потом присела на качающийся скрипучий стул, стянула с головы шапочку и закрыла синевато-бледные веки.

– Кто? – тихонько спросила Наташа, подсовывая напарнице ириску в желто-коричневой обертке.

Та сноровисто развернула фантик, сунула конфету в рот и выдохнула нервно:

– Бабушка из пятой. Два часа сорок три минуты. Сердце наверное.

– Так она уже древняя была, – фыркнула Наташа и низко склонилась над журналом, в полумраке щуря близорукие глаза.

– Все равно жалко, – тихонько пробормотала Леночка, раскусывая во рту ириску. – Хорошая бабушка. Стихи мне на латыни читала. Плакала, когда к ее соседу дочка с маленьким внучком пришла, а потом отвернулась и не разговаривала со мной. Жалко...

– Родственники есть? – пропустив чепуху молодой и наивной Леночки, Наташа снова поскребла ногтями переносицу и вгляделась в буквы, сама не понимая, что написала пару месяцев назад. – Нету. Одинокая бабушка. Звонить и забирать некому.

– Опять под табличкой похоронят, – вздохнула Леночка, глядя пустым взглядом в окно. – Она в последнее время уже без сознания была. Погрузилась куда-то далеко-далеко в себя. Но ей хотя бы не было больно там, наедине с собой. И не страшно.

– Откуда знаешь? – спросила язвительно Наташа. – Может, там, внутри, страшнее всего. Одинокой, никому не нужной... В чужую голову не заглянешь. А до собственного погружения нам еще далеко.

Она усмехнулась небрежно, вставая и снимая колпак с коротких рыжих волос, убранных за топорщащиеся уши. Леночка молчала, обхватив себя слабыми руками и закусив губу, словно пыталась

понять, куда же все-таки погрузилась одинокая бабушка Мариуш, читавшая ей стихи на латыни.

– Если будешь о каждом горевать, горевалка быстро выдохнется, и пойдешь на рынок яблоки продавать. Хочешь?

– А кто о ней горевать тогда будет? – неожиданно злобно огрызнулась прежде кроткая и тихая Леночка, а потом испуганно уткнулась глазами в остро пахнувший хлоркой пол.

– Уж не ты – точно, – повысила голос Наташа, расправляя плечи и упираясь руками в бока. – Не твоего ума дело. Тебе надо уколы ставить, больных подмывать. Не привязывайся к ним. Они постоянно будут умирать – тут одни старики, чаще всего одинокие и заброшенные. Что, о каждом слезы лить будешь?..

– Не буду.

– И молодец. Чаю хочешь? Анька оставила, из другой смены. Чай сумасшедший – черный, с шиповником. Прямо ягодки всплывают в кружке. Отлично успокаивает нервы и мешает оплакивать всех подряд.

– Давай, только позже. Я подремать собиралась.

– Спи, пока тихо. Это дело редкое, – развернувшись, Наташа ушла в туалет набирать из-под ревущего чудищем крана холодной воды в чайник. Звонкий стук ее каблучков эхом отдавался в коридоре, безразлично и монотонно пищали приборы,

что-то надсадное и тяжелое дыхание вырывалось из первой палаты и окутало юную Леночку.

– Спасибо, что помогаешь. Спокойной ночи, Наташа.

– Нельзя такое говорить на смене! Сплюнь! Иначе будет настоящий конец света. Учись, пока я жива.

Сморщенная и высохшая Мариуш лежала в палате, накрытая бледным саваном простыни, и ее впалая грудь больше не вздымалась тягостно и нехотя, напивая тело очередными бесполезными глотками прогретого летнего воздуха. Черные миндалевидные глаза ввалились, массивный нос заострился. Маленькие, но крепкие ладошки чуткая Леночка сложила на груди пожилой женщины, и теперь Мариуш словно бы молилась за то, чего не смогла отмотать при жизни. Исчезли квэсцио, пропал морок богатырского плача маленького пухлого мальчонки, растворился мираж разрушенного и занесенного пеплом города, не болела рассеченная правая рука, которой она тысячу лет назад подписала согласие на аборт, так ничего нужного в своей жизни и не сделав, все время чего-то боясь.

Больше бояться было нечего. Тишина стала ее домом.

Спокойной ночи, Мариуш. Спокойной ночи.

Часы

Холод изо всех сил пытался прогрызть стекло, заточенное в тиски пластиковой рамы, выжигая льдом разномастные узоры там, снаружи, пока внутри бурлила жаркая жизнь. От духоты невозможно было втянуть в себя хоть каплю воздуха, пропахшего мандариновой кожурой и еловыми ветвями щедро украшенного дерева, раскрывшего колючие объятия в тесной комнате.

Варвара, перекинув косу за плечо, стерла со лба выступившие липкие капли пота, заставившие мелкие русые волоски завиться колечками, и еще настойчивее принялась орудовать большим ножом. Во все стороны брызнули багровые капли.

– Кровь! – хищно завопила маленькая Анечка, высовывая хитрое лицо из-под столешницы, и захохотала почти демонически.

– Аня, – устало и тихо попросила мама, и ее вкрадчивый голос утонул в почти шизофреническом бормотании телевизора. – Варь, ну вся кухня в све-кле будет. Аккуратнее.

– Виновата, исправлюсь, – послушно согласилась Варвара и щелкнула по носу маленькую сестру. Та, держа в руках двумя скипетрами облезлых кукол, умчалась прочь – донимать отца, прикорнувшего после работы на стареньком диванчике с истертым от времени покрывалом. Квартиру неумолимо заполняла праздничная атмосфера.

Варя, продолжая ровными кубиками нарезать свеклу, скосила серые глаза на маму. Та, сгорбив плечи и опустив расплывшееся лицо почти к самой дощечке, на которой в последний путь отправлялся пожухлый укроп, выглядела невообразимо замученной – темные круги под глазами, выцветшие тонкие волосы, накрученные на несвежие бигуди... Вечером она наденет свое самое любимое платье, в котором встречает Новый год уже в пятый раз, и будет тихонько сидеть за столом, мечтая лишь о том, чтобы добраться до кровати.

На пожелтевшей плите кипели кастрюли, пар на кухне стоял такой плотный, что походил на вату, по всему столу кучками были разложены овощи. Телевизор вопил вовсю и от восторга грозился взорваться информационной шелухой, засыпав весь стол пластиком и стеклом: на экране волшебники заколдовывали очередного дракона. Мама шмыгнула носом, утерла полрой халата лицо и вновь принялась ритмично выстукивать гимн поклонения кулинарии.

– Мама, – негромко позвала Варя. И вдруг выпалила: – Я тебя люблю.

Мама отложила нож в сторону, и он тревожно звякнул под мелодичное бульканье кипящей воды.

– Что-то случилось, Варь?..

Ответил матери маленький телефон в ярко-розовом чехле – тренькнул по-особенному, испуганно, неотвратимо. В их семье все знали этот звук. Заскрипел диван в гостиной – папа заворочался, пробуждаясь от тяжелой дремы, примолкла визгливая Анечка. Мамино лицо вытянулось и стало плоским, как масляный блин.

Варя притянула к себе проблемный телефон и, нахмурившись, взгляделась в сообщение. Вскочила, торопливо вытирая руки грязным полотенцем, бормоча себе что-то под нос, а потом и вовсе умчалась в комнату стучать шкафами, греметь сумкой, тихо ворчать без умолку.

– Варь, ну Новый год ведь! – крикнула мама, вновь в немом отчаянии схватившись за нож. – Да черт бы с ними!

– Авария. Насмерть, – уже из коридора выпалила Варя, натягивая замызганную куртку и наматывая на шею толстый объемный шарф. – Работа, мам. Ну я не могу! Я быстро!

– Аккуратно! – крикнула мама, но не успела. Дверь хлопнула неотвратимо, точкой отсекала их безнадежный разговор, бродящий по кругу день

за днем, словно привязанный к колышку козлик на короткой веревке. Телевизор восторженно хрюкнул и замельтешил рекламой, мать щелкнула пультом, отсекая праздное безобразие, и посмотрела на останки распотрошенной свеклы.

– Ма-ам, – из-под руки капризно протянула Аня. – Не хочу свеклу!

Женщина втянула ртом горячий влажный воздух и закрыла глаза.

День был настоящей зимней сказкой: высоко застывшее ярко-голубое небо, солнце, от которого тепла было не допроситься, режущий глаза яркий снег. Слежавшийся наст хрустел под ногами, пока Варя бежала, чувствуя, как мороз обживает в легких. Девушка запрыгнула в ярко-оранжевый апельсин маршрутки, выцарапала из кармана пропитанные холодом монетки и прищурилась, думая о сюжете...

...Люди толпились, словно в цирке. Их было видно издалека. Вереницы присыпанных снегом машин, кучки бормочущих зевак, выставивших вперед руки с зажатыми телефонами, будто древнеримские зрители, решающие, казнить или помиловать незадачливого гладиатора. Варя легко влилась в их ряды и дрожащими руками достала тяжелый фотоаппарат, опаливший пальцы льдом. Люди шептались, болтали, смотрели с осуждением и ужасом, но были все одинаковыми, словно картонные фигуры: горящие нездоровым блеском глаза, оскаленные

в первобытном любопытстве зубы, прикованные к крошечной фигурке взгляды. Варвара вынырнула из-под чужих рук и остановилась, глядя на дорогу.

Холод проник в нутро и вместо легких выбрал мишенью душу.

Машина, развернувшаяся боком, была лишь останками автомобиля – развороченный бампер с ощерившимися кусками пластика, раздробленные фары, вмятина таких размеров, будто в машину попало пушечное ядро. Из-под машины густой кровью натекло масло, она стояла, стыдливая, будто в ужасе от сотворенного. У двери ледяной скульптурой замер водитель – бледно-серый, словно покрытый пылью от неугомонно чадающих заводов старый снег, мужчина, комкающий в руках ярко-синюю шапку, глядящий на маленький силуэт на холодном асфальте. Варя скользнула по силуэту взглядом и почувствовала, как слабеют ноги.

Варвара была корреспондентом – праздники, официальные мероприятия, похожие на несвежую жвачку, с вымученными улыбками и одинаковыми из раза в раз речами, библиотеки и бани, помпезные театры и рушащиеся общаги... Аварии. Убийства. Трупы. Она работала на телеканале всего полгода, но уже многое повидала и ко многому притерпелась очерстевшей душой.

А тут ее ноги просто вдруг превратились в склизкое желе, и Варе пришлось схватиться белой

ладонью за ствол дерева, стоящего молчаливо на обочине.

На дороге лежала девочка – маленькая, совсем крошечная. Разве могла она ТАК сплющить машину, словно тяжелый, пропахший битумом каток?.. Тельце бережно прикрыли бледно-розовым покрывалом, и на нем уже кое-где проступил свекольный сок. Руки в свекле.

Варю замутило.

Подъехала неприметная машина, сноровисто выпрыгнули из нее люди, раскрывая в руках шуршащий, лоснящийся черный пакет, быстро и ловко сунули в него девочку, и фигурка эта вдруг превратилась всего лишь в обыкновенный мусорный мешок. Грохнули двери. Взревел мотор. Виновник аварии уткнулся лицом в шапку и крупно задрожал.

На дороге осталась лишь лужа багряного свекольного сока да отброшенное в спешке испачканное покрывало. Полицейские хмуρο косились на часы и на зевак. Варе хотелось руками растолкать гомонящую толпу – охочую до крови, до трагедии, до смерти.

Но это был ее хлеб. Ее работа.

Варвара, не ощущая пальцев, прижала фотоаппарат к глазам и принялась снимать – вдавленный бампер автомобиля, спрятавшегося в ужасе водителя, мигающие проблесковые маячки на машинах. Лужа крови. Далеко отлетевшие маленькие боты –

ярко-синие, с бантиками, с маленькими янтарными бусинками. Их хозяйка тряслась сейчас в мусорном мешке, а маленькие красивые сапожки лежали в паре метров от машины под ясным небом, под деревьями, с которых серебром сыпались редкие снежинки, под радостной новогодней кутерьмой.

Варвара фотографировала, записывала видео, не думая ни о чем, кроме свеклы, которую она так и не успела порезать в салат. Голова стала пустой, гулкой, словно колокол. Нужно сделать работу. Точка.

И вернуться домой, где они с мамой будут накрывать праздничный стол, где на шаткой табуретке с кривыми ножками Аня будет читать стихи папе, передетому в Деда Мороза, где не будет покореженных машин и маленьких фигурок в мусорном мешке...

Удар в спину был таким сильным, что Варя, пытаясь удержаться на ногах, пробежала вперед, крепко прижимая громоздкий фотоаппарат к груди. Обернулась почти с ужасом. Перед ней возникло лицо – бледное, выцветшее, с вытаращенными дикими глазами и ртом, искаженным в такой жуткой гримасе, что лицо перекосило от боли.

– Ты! – рявкнуло лицо, заслонив собой весь мир, и Варвара испуганно вжала голову в плечи. – Сволочь! Мой ребенок!.. ТАНЯ! Господи!!! – лицо зарыдало, отшатнувшись, и Варя наконец-то смогла разглядеть его обладательницу – полную женщину с набрякшими багряными веками, со скопившейся

в кончиках губ матовой слюной, с выступившими на лбу черными венами.

– Это моя работа... – едва ворочая языком, выдавила Варя привычную фразу, не в силах отвести от женщины взгляда.

Народ вокруг зашептался – те, кто принялся расходиться, остановились, жадно прислушиваясь к разносящемуся по улице вою.

– Твари! Нелюди! Моя дочь... А вы... Лишь бы снять... Боже, да где душа твоя?! Как ты можешь?! Убирайся отсюда, дрянь! Не смей, не смей фотографировать моего ребенка! Танечка, Таня, нет, не может, не может... – она забулькала словами, переходя на низкий гортанный крик, и осела в чьи-то механически протянутые руки. Ее поймал пожилой мужчина, сгорбившийся так сильно, будто его плечи вот-вот должны были костями рухнуть прямо на заледенелый асфальт. Лицо у него было пустым и черным. Он смотрел куда-то в сторону, без эмоций глядя спину рыдающей женщины. Та, прокричав весь скопившийся внутри гнев и ужас, стала похожа на сдутый, мертвый воздушный шар. Живая, но погибшая внутри.

– Простите, – прошептала Варя отступая. Шаг. Второй. – Простите меня...

И, обернувшись, побежала прочь. Все внутри у нее, покрывшись инеем, вдруг стало склизким и вязким, вымазав душу чем-то бесконечно черным.

...Старенький принтер чихал, ворчал и упорно отказывался работать, прикрываясь то ли вечной ленью, то ли наступившим праздником. Варвара, выругавшись, изо всех сил ударила по пластику кулаком, отчего рука обиженно заныла, а принтер, судорожно чихнув, брезгливо выплюнул ей фотографию – деревья, дорога, разбитая машина, из которой сочится масляная кровь. В комнату сунулась мама – кривые ломаные кудри обрамляли ее бледное лицо, глаза были потухшими:

– Варь, Новый год. Идем. Ане скучно без тебя.

– Минутку, – механически отозвалась Варя, укладывая перед собой фото. Мама ушла.

Варвара выдохнула, цедя кислород мелкими глотками, и закатала кружевной рукав платья. На бледной руке со светлыми волосками вновь красным рубцом проступили часы – две стрелки, мелкие черточки цифр, неровная окружность. Девушка не помнила, когда впервые осознала, каким даром наделила ее природа, – события стерлись из памяти, не оставив после себя и мысли. Мама рассказывала, что с этим шрамом она уже родилась: странная причуда природы, кривой рубец, сложившийся в привычный силуэт.

Мама не знала, что это за часы. Варя не рассказывала.

Сейчас она сидела, задумчиво созерцая фото с проступившими светлыми полосками, – краска

в принтере заканчивается, нужно заправить картридж. В комнате звонко смеялась Аня, папа хлопнул шампанским, телевизор шумно поздравил его с этим событием. Решившись, Варвара затаила дыхание, словно перед шагом в ледяную прорубь. Она прислонила руку с часами к губам и подула на них теплом, бормоча то время, которое ей было необходимо. Ощутила, как дрожат губы, как колет кожу, как внутри все заходится в волнении.

Она давно не делала этого.

Рубец вспыхнул и зачесался. Варя потянулась рукой за фотографией и замерла, прислушиваясь к залу, не решаясь сделать последнего шажка, разглядывая стрелки, – они почти сошлись на двенадцати.

Господи.

Постаревший певец в телевизоре завел приторную песню, и его насильно приглушили пультом. Аня уронила тарелку со стола, мама взорвалась криком. Сестренка обиженно и басовито заревела. Папа, топая, словно медведь, сходил на кухню за сигаретами и отправился на балкон. Из-под двери в комнату проникло ледяное дыхание зимы.

Варя заплакала. Слезы покатались по щекам, марая их солью, а руки схватили фото и резко ударили изображением по макушке – фотография растянулась, превратившись вдруг в раму для картины, погружая в себя девушку с головы до пят. На

пол упала карточка с голыми деревьями и снежным покрывалом. Вздрогнула, закурилась дымком и исчезла.

Мама пальцами с обломанными ногтями вытирала слезы на щеках младшей дочери и просила прощения за крик, отец затыкался сигаретой на балконе, нахохлившийся, словно растрепанный воробей. В комнате Вари воцарилась пустота.

...Веки распахнулись, и девушка сразу же зазмурилась, прикрывая ладонью в теплой перчатке слезящиеся от яркого света глаза. Искрящийся снег под ногами, беспечная синь над головой, сплетенные в тесных объятиях ветки обнаженных карагачей. Солнечный день. Мороз. Через несколько часов наступит Новый год.

Навстречу Варваре шла девочка – маленькая, облаченная в громоздкий пуховик, она подпрыгивала от нетерпения и уже готова была поднырнуть под руку застывшей посреди дороги Вари, чтобы выскочить на заметенный снегом пешеходный переход, как девушка присела рядом и цепко схватила маленькую ладошку.

– Эй, привет! Не бойся, – торопливо вымолвила Варвара, натягивая профессиональную улыбку и показывая девочке громоздкий фотоаппарат. – Я журналист, знаешь телеканал «Новотроицк»?

Девочка опасливо кивнула, с подозрением глядя на странную незнакомку.

– Я снимаю видео про Новый год! – восторженно выпалила девушка. – Пожелания мамам! Поздравления! От детей! Хочешь маму поздравить из телевизора?!

Глаза девочки вспыхнули озорным огоньком – она расслабилась, улыбнулась залихватски, кивнула и гордо расправила плечи. Варя, глядя ей прямо в глаза, услышала, как мимо с диким воем пронеслась машина, водитель которой явно забыл обо всех правилах и запретах. Автомобиль промчался мимо невредимый, унося с собой маленькую смерть.

– Мамочка! – радостно закричала девчушка, помахав маленькой ладошкой в узорчатой розовой варежке прямо в камеру, когда Варвара принялась снимать ребенка. – С Новым годом! Пусть праздник этот принесет удачу и успех, а на еловых ветках, припорошенных снежком...

Малышка рассказывала стихотворение громко, с выражением, глядя в камеру легко и непринужденно, и проходившая мимо женщина, навьюченная тяжелыми пакетами, не смогла сдержать теплой улыбки. Варвара же, глядящая в маленький экран, не отрывалась от ребенка – от румяных щек, от щербинки между белоснежными зубками, отчего девчоночья улыбка казалась неповторимой, от выбившихся из-под пуховика тонких русых косичек, от синих сапожек с бантиками и бусинками жемчужин...

Таня. Маленькая Таня читала маме стихи, передавала приветы одноклассникам, смеялась задорно, как колокольчик, и все внутри у Варвары заходило от пугающего чувства. Девочка была такой живой, радостной, бесконечно влюбленной в маму, в праздник, в жизнь, что от одной мысли о свекольном соке и мусорном мешке девушку сводило болезненной судорогой.

Выключив фотоаппарат, Варя пожала руку девочке и удивилась тому, какая теплая у нее ладошка, – это чувствовалось даже через плотный пух варежки.

– Когда по телевизору покажут?! – горячо спросила Таня, поправляя тонкие мышинные косички.

– Скоро. Куда идешь-то? – спросила тихо Варя, вглядываясь в глубокие и чистые голубые глаза.

– Маме хочу купить елочный шарик в подарок, – торжественным шепотом поведала девочка. – Я весь год деньги копила! Сейчас куплю самый-самый красивый! И под елку положу. Круто же!

– Круто... Осторожней только, Таня. Дорогу переходи осторожно, по сторонам смотри. Машины летают – ужас. Хорошо?.. Не расстраивай маму.

– А откуда вы знаете, что меня Таней зовут? – с подозрением спросила проницательная малышка.

– Хочешь, открою тебе секрет? – заговорщицки прошептала Варя и приблизилась губами к самому уху девочки. – Я волшебница.

– Круто! – восторженно отозвалась малышка. – А можно три желания?!

– У меня сегодня выходной, – рассмеялась Варя и, не удержавшись, погладила девочку по щеке. – Беги за шариком. Только осторожно.

Снег сиял, по небу проплыло невесомое бархатистое облако. Варя стояла, глубоко сунув замерзшие руки в карманы, и смотрела, как Таня переходит дорогу, как растворяется в толпе людей, которые в последний предпраздничный день срочно бежали по магазинам, срочно тащили домой пакеты с едой, срочно скупали подарки и срочно торопились жить. На асфальте не появилась свекольная лужа, не смешалось с кровью машинное масло, обрамленное россыпью осколков, не стоял, уткнувшись лицом в шапку, водитель.

Отодвинув рукав пуховика, Варвара со страхом посмотрела на часы, ожидая увидеть слипшиеся стрелки. Но нет, между ними остался зазор. Пару миллиметров, не более того, но полночь, ее полночь, еще не пробила.

Ее время еще не вышло.

Судорожным всхлипом вырвался воздух вперемешку со страхом из ее сжавшихся легких, Варя нервно запрокинула голову и расхохоталась небу прямо в лицо. По местному крошечному каналу сегодня не покажут новость о сбитой насмерть девочке – вместо этого маленькая румяная Таня будет

поздравлять маму и читать красивые стихи. Сейчас Варя возьмет еще парочку коротких интервью и сделает праздничный сюжет – теплый, искренний, мало кому нужный, но зато насквозь пропитанный новогодним духом.

Воздух вокруг стал сладким и чистым, солнце улыбалось лично Варе, мимо пронеслась повозка, запряженная лошадьми: в городском парке скоро примутся катать маленьких детей в санях. Дома Аня наверняка нарисовала праздничную елку и успела довести скучающего папу до белого каления, мама страшно обрадуется прибывшему подкреплению в нелегком кулинарном деле, а сама Варя...

Сама Варя еще не израсходовала время, выделенное ей природой неведомо для каких нужд. Доставшийся ей дар она бережно хранила, оставляя для самого верного, для того, о чем просила ее душа. И сейчас она знала, что приблизившиеся к двенадцати стрелки не были напрасным, стоило только вспомнить румяные щеки, широкую улыбку во все зубы и маленькие синие сапожки, которые сейчас бежали по снегу.

Мороз щипал щеки, и Варвара, натянув капюшон на голову, ступила на пешеходный переход, внимательно оглядываясь по сторонам. Занесенная дорога, выстуженные холодом трамвайные рельсы блестят под ее ногами, пуская солнечных зайчиков.

Рывок, и мир вокруг замельтешил, сливаясь в одну сплошную кутерьму. Варвара ничего не успела понять – небо вдруг качнулось, вжимаясь в ее лицо, каждая клеточка тела вспыхнула болью, разрываясь, и прямо на нее рухнула пустота. А потом ничего не осталось – ни мыслей, ни чувств, чтобы ей хоть что-то осознать, понять: что случилось-то?!

Просто тьма. Чернота. Беспросветная. Непроглядная. Варя кончилась без остатка.

...Случайные прохожие вздрогнули от резкого грохота, такого сильного, будто на две половинки расколосось небо перезрелым арбузом. Тонкая девичья фигурка взлетела вверх, взмыла балериной в мерзлом воздухе и опала, ударившись о землю так сильно, что звук ввинтился в кости случайных зрителей трагедии.

Крики. Люди бегут на помощь. Развернувшись посреди дороги, стоит разбитая машина. Из салона вываливается водитель, смотрит на переломанное тело, скулит в ужасе, стягивая с головы ярко-синюю шапку и прижимая ее к дрожащей челюсти.

Он успел купить подарки, хоть и очень боялся опоздать, заваленный работой: розовое платье с рюшами для дочери, витое кольцо для жены, набор для вязания маме-инвалиду и рыболовные снасти отцу. Подарки лежали сейчас в багажнике, перемешанные от страшного удара, и мужчина понимал, что они больше никому не нужны.

В этой семье Нового года не будет. Как и еще в одной.

В семье этой девушки.

– Чего случилось? – пробившись вперед, громко спросила женщина с тяжелыми пакетами, высывая любопытное лицо из толпы.

– Сбил, – коротко отозвался мужчина в черной меховой шапке.

– Насмерть?!

– Насмерть.

– Офигеть! Новый год! Насмерть! Чума-а... Надо Лидке позвонить...

Кто-то стыдливо прикрыл распластавшееся, раскинувшее руки тело серой простыней, и та мгновенно напиталась выступившей кровью, неотвратимо напоминающей свекольный сок. Примчалась полиция, бормоча что-то о «дебилах», которые «даже под Новый год не могут обойтись без глушняка». Кто-то из прохожих наклонился и вытащил из кармана Вари мобильный телефон, нашел в контактах короткое «Мамочка». На фотографии обычно замученная мама еще была счастливой, молодой и тепло прижимала к себе маленькую Вареньку.

Прохожий постоял, глядя на фото, зябко поводя лопатками под теплым свитером и толстой курткой. Сунул телефон пробегающему мимо полицейскому:

– Вы это... Позвоните...

– Кому?! – рявкнул сержант, которому предстояло провести праздничную ночь в компании сослуживцев, а не в объятьях беременной красавицы жены, отчего настроение у него было прескверное.

– Матери...

Варвара лежала на спине, раскинув руки так, будто хотела обнять целый мир: и это высокое равнодушное небо, и всех этих маленьких невнимательных девочек. Из-под простыни торчали ступни в беспечно-голубых носках с облачками. Если бы Варя могла почувствовать напоследок еще хоть что-то, то она бы непременно почувствовала спокойствие. Теплое, мягкое, воздушное.

Маму только жалко.

На запястье багрянцем горел рубец – стрелки часов сошлись на двенадцати, отсчитав последнее время.

Время, потраченное не впустую.

Не напрасно.

**Ирина Сергеевна Родионова
Мариуш**

Редактор Вячеслав Моисеев
Верстка – Денис Безлюднев
Корректор Людмила Моисеева
На обложке – рисунок и фото Алексея Кирилова

Допечатная подготовка –
Издательский центр МВГ,
E-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. 8-902-365-41-99.

Подписано в печать 25.10.2018 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Агентство «Пресса»:
Оренбург, ул. Пролетарская, 15,
Тираж 200 экз. Заказ № ____.

Ирина Сергеевна Родионова родилась в 1995 году в Новотроицке. Окончила среднюю школу № 22 с отличием, затем получила красный диплом Оренбургского государственного университета, став бакалавром по специальности «Психология и педагогика». Работает учителем русского языка и литературы в родной школе и психологом в развивающем центре. Автор семи научных статей по психологии, экологии и черной металлургии (две из них вышли в Чехии и Болгарии). Автор трех фантастических романов и психологической драмы. Четырехкратный победитель Всероссийского конкурса сочинений «Как я писал «Тотальный диктант». Победитель конкурса рассказов «Миры М. и С. Дяченко». Участница состоявшегося 20–22 сентября 2018 года в Оренбурге, Бугуруслане и Аксакове межрегионального семинара-совещания молодых писателей «Мы выросли в России» (семинар фантастики), по итогам которого получила сертификат на издание этой книги.

Вышли в серии «Новые имена»

Александр Курочкин «Сергие Седьмого». Рассказы

Ольга Замятина. «Здесь». Стихи

Светлана Погова. «Нам с тобой разговор». Стихи